

Три стихии

Всегда элегантно, в прекрасном костюме и белоснежной рубашке, такое впечатление, что галстук он снимает только для того, что помыть его на бачочку, — это у него от папы, Рубена Николаевича, элегантность которого знали все.

Интеллигентен, изысканно вежлив — здесь уже чувствуется влияние мамы, Елены Михайловны, дочери известного московского инженера, одного из авторов проекта ГОЭЛРО.

Блестящий оратор — следует в этом учению Вахтангова: острота формы при глубине содержания.

Главный режиссер нашего театра, просто режиссер в других театрах — от Дворца съездов до Театра киноактера в Москве и Театра им. Хамзы в Ташкенте. Профессор, председатель правления ЦДРИ, член многих комитетов, советов, страстный футбольный болельщик «Спартака», сам спортсмен (играет в теннис) — вот то, что прежде всего видится на расстоянии в Евгении Рубеновиче Симонове.

Ну, а если сорок с лишним лет лицом к лицу, то можно узнать в нем намного больше. Я лично вижу три стихии, что питают его творчество.

Первая из них — музыка. Художественное воспитание молодого Симонова началось с рояля, он готовился стать профессиональным пианистом. Евгений Рубенович рассказывал, как по восемь — десять часов в сутки просиживал за инструментом, но однажды восстал. Вдруг понял, что его гораздо больше тянет к живым людям, лицам, характерам, душе человеческой. И он стал режиссером театра. Оставил музыку. Но музыка не оставила его, навсегда поселилась в нем, стала одним из компонентов его режиссерского дарования. Музыка подсказывает ему образы, раскрывает мир. И до сих пор, теперь уже без принуждения, в радость себе, в удовольствие, он играет каждый день, разучивает сложные музыкальные произведения. Часто во время репетиции, объясняя актерам звучание какой-либо сцены, он бросается к роялю и музыкой завершает свое объяснение. Я глубоко благодарен ему, что он научил меня любить и понимать музыку.

Вторая его стихия — поэзия. Такое впечатление, что он всю русскую поэзию знает наизусть, во всяком случае широко и свободно цитирует. Мало того — хорошо пишет сам. Я уж не говорю о многочисленных поэтических экспромтах, песнях, эпиграммах — ни один наш праздник не обходится без его стихов. Кроме того, у него есть серьезные историко-поэтические произведения, такие, как пьесы «Франсуа Вийон», «Павел I». В нашем театре шла его стихотворная пьеса «Алексей Бережной». Его перу принадлежат интересные воспоминания мемуарного характера, где он с поразительной точностью юмором, литературной завершенностью создает портреты «старых вахтанговцев», как у нас принято их называть, — Щукина, Мансуровой, Рубена Симонова. Эта часть его духовного мира открыта не всем. Много раз ему предлагали издать книгу — не хочет!

И, наконец, третья стихия — юмор и импровизация. Завидный дар украсить своим присутствием любую компанию, быть душой общества, соединяя блеск поэтической и музыкальной импровизации с огромным запасом номеров из многочисленных театральных капустников и прочих

наших празднеств, коих он неприменный и активный участник. На таких вечерах раскрывается еще одно его незаурядное дарование — исполнительское. Он великолепно поет — проникновенно, лирично, тонко передавая чувство и стиль песни.

Музыка, поэзия и юмор пронизывают и обогащают его творчество. Художник, остро чувствующий современность, он умеет покориť зрителя актуальной интонацией спектакля, придать порой несовершенной пьесе современное звучание. По праву вошел в золотой фонд советского театрального искусства его спектакли «Город на заре», «Иркутская история», «Филумена Мартурано». Он — смелый человек. Не каждый режиссер решится осуществить постановку такого, например, поэтического триптиха, таких традиционно считающихся «нетheaterальными» пьес, как «Мистерия-буфф» Вл. Маяковского, «Роза и крест» А. Блока, «Три возраста Казановы» М. Цветаевой. Последняя его работа — спектакль «Полстрианицы оперативной сводки», посвященный 40-летию Победы. И снова неожиданное авторское (он автор инсценировки) и режиссерское решение — соединение прозы Константина Симонова и воспоминаний маршала Жукова.

Мы с Евгением Рубеновичем давние друзья и сотрудники, начинали вместе: «Снегурочка», «Летний день», «Два веронца»... Однажды он сказал мне по поводу «Двух веронцев», где роль у меня поначалу не шла: «Я понимаю, ты очень хочешь хорошо сыграть, так имей в виду, второй человек, который этого хочет так же страстно, — я». Спектакль вышел, мы с успехом играли его двенадцать лет, и я не знаю, что тут сыграло решающую роль — мое желание или его вера в меня, поддержка и помощь. Думаю — единство. Именно общность цели, стремление сказать свое слово в искусстве, прозвучать объединяли нас тогда. Его страстность в работе, преданность театру, большая работоспособность не ослабевают, они присущи ему и сегодня, стимулируют его творчество.

Он любит говорить, что для него период выпуска каждого нового спектакля — Голгофа. И всякий раз он сознательно вновь идет на нее, Уставший ли, больной ли, он честно, с полной отдачей сил делает свое дело, потому что в этом деле вся его жизнь.

И еще одно качество считаю очень важным для его творчества. Все мы вышли из детства, и каких бы высоких званий, наград, премий мы ни достигли, чем больше в нас остается детской чистоты, непосредственности, веры, тем богаче мы как художники. Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, профессор Евгений Рубенович Симонов в свои шестьдесят лет сумел сохранить в себе эти прекрасные качества, счастье избежать появляющегося с возрастом и положением высокомерия, чванства, косности. Он, например, может во время какого-нибудь заседания вдруг послать вам озорную карикатуру с шутивными стихами. Он не разучился по-детски открыто, жадно смотреть на мир, не утратил непосредственности, увлеченности своим делом, и в этом, мне кажется, залог его новых творческих успехов, в которые все мы верим и которых ждем от него.

Владимир ЭТУШ,
народный артист СССР.